

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	44
ГЛАВА 4	67
ГЛАВА 5	89
ГЛАВА 6	116

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 7	139
ГЛАВА 8	150
ГЛАВА 9	171
ГЛАВА 10	192
ГЛАВА 11	213
ГЛАВА 12	229
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	248
БЛАГОДАРНОСТИ	250

Папе, которого у меня никогда не было

*Некоторые вещи стоят того, чтобы
о них рассказать, просто потому что
они произошли.*

Мэгги Нельсон. Красные части

ГЛАВА 1

МАЙ, 2005 ГОД

Вам не понравится эта история, если вы никогда не испытывали стыда. Не чувствовали себя недостаточно умными, стройными, достойными. Не краснели из-за бедности, маминого алкоголизма, прыщей на лбу. Не хранили в потертом кожаном портфеле с кодовым замком запрещенные предметы. Использованные тампоны, украденные деньги, крышки от бутылок водки, окурки.

Последние занимали большую часть портфеля, из-за чего он набухал и немного потрескивал, как печка в бане. Ане нравилось коллекционировать окурки по трем причинам. Во-первых, пахнут они странно. Маме не понравится. Если раскрошить кончик на ладонь и поднести к носу, можно перенестись в любое пространство памяти: на кухню, где мама курит тонкие сигареты, в деревню, где дед потягивает «Беломор», или в вонючую школьную раздевалку с играющими

во взрослых школьниками. Запах специфический, на любителя, иногда можно в обморок упасть, но Аня не такая, как все. Во-вторых, еще никто и никогда не коллекционировал окурки. В-третьих, они хранят отпечатки губ курильщиков. Микроскопические частички их кожи. Слюну.

Сейчас в портфеле лежит сто сорок три окурка, а значит, столько же губ прижимаются друг к другу под вакуумом полиэтиленового пакета. Аня записала в специальную тетрадь количество новых экспонатов, поставила дату, подпись.

Сезон собирания окурков начинался в конце марта, когда после долгой зимы из-под снега показывались накопленные землей сокровища. По хрустящим лужам с пакетом в руках Аня шла вдоль дачного поселка, согнувшись вдвое. Зеленая бабушкина куртка и шапка, натянутая до самых глаз, резиновые сапоги. Во время прогулок Аня всегда выключала плеер и прислушивалась к воронам. Они подсказывали, куда идти.

В поселке жила еще одна собирательница: девяностолетняя бабка, круглый год носившая розовый берет. Неделю назад она угостила Аню яблоком, скорее всего отравленным. Сама она напоминала ведьму: беззубый рот, впалые щеки, горбатый нос. А розовый берет — это маскировка. Взрослые умеют скрывать свою истинную природу, в отличие от самой природы, которой скрывать нечего.

В середине апреля солнце начинало греть землю, и от метровых сугробов оставались только

воспоминания. В теплые дни можно было поискать окурки на заброшенных дачах в конце Сосновой улицы. Соседские дети обходили покосившиеся дома стороной, но местные алкоголики с самокрутками и чекушками не брезговали. Среди жителей поселка ходили жуткие истории о загадочно опустевших домах и пропавших жильцах, но Аню подобные сказочки не пугали. Кроме нее и алкоголиков, на участки захаживали две приличного вида кошки. Жирненькие, в пластиковых ошейниках. Кошки запрыгивали на подоконник и смотрели в пустые окна, но внутрь не заходили. В одном из домов облезло-голубого цвета, на крыше которого выросла трава, Аня нашла банку из-под паштета. Внутри оказались утрамбованы двадцать четыре окурка. Теперь они все стали частью коллекции.

Портфель с кодовым замком, в котором Аня хранила свои сокровища, подарила мама. Не то чтобы подарила — стыдно вспоминать. Портфель лежал под письменным столом, накрытый кожаной курткой, которая тоже нашлась во время одной из экспедиций по чужим дачам. Месяц назад бабушка обнаружила тайник, спросила о содержимом и, услышав очередную байку, отправилась смотреть сериал «Тайны следствия».

Аня тогда заперла дверь в комнату, залезла под стол и обняла свой портфель. Сидеть под столом она начала в тот день, когда мама вышла замуж. Пряталась. Новый жилец, а скорее варвар-захват-

чик, занял слишком много места. И хоть из вещей у него был только один чемодан, половину которого занимали деньги (Аня в первый же день вытащила оттуда пачку купюр), его присутствие ощущалось повсюду. Короткие черные волоски на раковине, полосатые носки под диваном, презервативы в мусорном ведре.

Одноклассники на уроках биологии хихикали и краснели, когда учительница в круглых очках рассказывала про пестики и тычинки. Аня в это время писала в тетради: *«Если прижать подушку к голове слишком плотно, можно услышать, как перешептываются перья внутри. От дыхания ртом середина наволочки намокает за несколько минут — нужно быстро перевернуть подушку обратной стороной. Кончик перышка упирается в щеку. Стоны становятся чаще, напоминают стоны физрука, который показывает, как бежать стометровку, но выдыхается и падает на траву. Школьные уроки физкультуры — это полный абсурд. Я убираю подушку, прислушиваюсь. Тонкая полоска света со стороны ванной комнаты — значит, конец. Сегодня они закончили быстрее, чем обычно. По семейной легенде, эту подушку вручную сделала мамина прабабка Евдокия. Вместе с мамой мы два раза в год носим эту подушку в прачечную, которая находится рядом с общественной баней. Весит подушка килограммов двадцать. Прикладывать ее к голове небезопасно: можно и задохнуться, — но я всегда следую правилам, которые сама же и придумала. Когда*

свет в ванной выключается, я засытаю». Дата, подпись, звонок на перемену.

Вести дневник Аня начала на прошлый Новый год (мама была еще не замужем). Отец, который ушел от них десять лет назад, тогда прислал из Петербурга новогоднюю посылку: шоколадные конфеты с Исаакиевским собором на обертке, тяжелая, в черной обложке энциклопедия по истории, линованный блокнот с котом и сторублевая бумажка, обнаруженная внутри книги только спустя две недели. На последней странице блокнота была запись, сделанная черной ручкой: «Любимый карапуз, поздравляю тебя с Новым годом. Будь умницей. Люблю тебя очень. Папа». Загипнотизированная, Аня перечитывала запись снова и снова, пока не разобралась, в чем кроется магия этих тринадцати слов. Она впервые видела почерк отца — и почерк был точь-в-точь как ее собственный. Чтобы убедиться в этом, она взяла ручку и переписала на соседнем листе папины слова. Потом показала запись маме, которая стояла у окна и тоже читала письмо. Мама тогда сказала, что дочь в принципе копия своего отца: такая же упрямая и вредная. А про почерк промолчала. Аня попросила показать другие папины письма, ведь мама писала ему каждый месяц, а значит, были ответные послания. Но маме срочно понадобилось сходить к соседке за капустой для борща, а потом о своей просьбе забыла и сама Аня.

С того дня она начала вести дневник. Собственный почерк стал казаться чем-то важным, а слова, тщательно отобранные и вычищенные от мусора, — ценными. Если найти подходящий наблюдательный пост, откуда можно записывать все, что видишь, найдутся и слова. Постом этим был подоконник на кухне, такой широкий, что можно полностью вытянуть ноги. Иногда рядом ложился кот, и все равно было просторно.

Из окна первого этажа можно было наблюдать за жизнью соседей. Открыв форточку, Аня слушала чужие разговоры и записывала понравившиеся фразы. Папиным мелким почерком. Соседи не были оригинальны. Общались приправленной междометиями бранью. Но какой! Мама говорит, что первым словом, которое произнесла Аня, было слово *бля*. Влияние среды. Каждый день Аня исписывала по пять страниц, занимаясь творческим переосмыслением соседского быта. Себя она вплетала в эти истории как детектива Аню Мотылеву, расследующую загадочные дела. Например, таинственное исчезновение бутылки водки из кармана дяди Саши. Коллекционировать истории, проваливаться в мир слов было так же приятно, как собирать окурки.

Спустя два месяца после свадьбы мама и Валера — так звали мужа — купили трешку в соседнем доме, но Аня решила пожить с бабушкой на даче. Мужчинам доверять нельзя — она поняла

это в десять лет, когда проснулась утром и увидела перед собой маминого друга. Шел в туалет. Перепутал комнаты.

Жить с бабушкой — это как гулять ночью по лесу. Оборачиваться на каждый шорох, сканировать настроение. Аня различала десятки бабушкиных охов и ахов. Например, если внучка поела и оставила в раковине тарелку, не залив водой, бабушкин ох напоминал щебетание птички. Но когда Аня приходила от подружки с запахом пива, бабушка пыхла как лошадь после скачек.

Бабушка работала два через два. Бухгалтером на заводе. Утром за ней приезжала серая «тойота», вечером возвращала обратно. Было в этом что-то золушкинское. В рабочие дни бабушка, нагруженная пакетами с продуктами, возвращалась в восемь. Они ужинали на летней кухне жареной картошкой и шли в дом смотреть телевизор. Бабушка садилась в кресло, надевала очки, накидывала на колени шерстяную шаль и медленно мазала ноги вонючим кремом. Аня устраивалась рядом с тарелкой жареных семечек. В десять шли спать. Жили вдвоем, потому что дедушка умер прошлым летом от сердечного приступа. Ему было шестьдесят восемь, но выглядел он на пятьдесят. Они с бабушкой прожили вместе сорок лет, по ее словам, душа в душу. Если под душой в душу подразумевать двух лю-

бовниц и скандалы каждые выходные, то бабушка говорит правду.

Сегодня бабуля уехала пораньше, потому что перед работой записалась на химию. Такая уродская укладка в стиле горгоны Медузы. Аня закончила сортировку новых окурков и спустилась во двор. Расстелила на траве цветастое покрывало и легла читать учебник по истории двадцатого века. Прочитав чуть больше половины, сделала вывод, что двадцатый век — полная фигня. Двадцать первый тоже, но хотя бы без революций. Папа рассказывал, что в Петербурге есть здания, которые все еще пахнут революцией. Наверняка этот запах изысканнее аромата крема от загара.

От проезжей дороги Аню закрывал высокий деревянный забор. Она сняла майку и легла на спину. В ямке пупка собрались капли пота. Сейчас небо синее, а через полчаса станет серым. Непостоянство природы никуда не годится. Муравей заполз на правую коленку, уверенно двинулся в сторону бедра вдоль коротких светлых волосков. Аня смахнула его на примятую траву и услышала скрип калитки. Быстро натянула майку и села, прикрываясь рукой от яркого солнца. Одну сторону лица припекло так, что она зачесалась.

— Значит, так ты готовишься к экзаменам? — услышала Аня знакомый голос.

Голос мамы. Лицо тоже. Но разве это мама? Огромный живот, круглый как солнце. Натянутое